

Все в сад! Для радости "души гуляющего"

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

В самом деле, почему не использовать уже существующие, доселе пустующие и требующие реставрации корпуса музея на Воздвиженке? "Садовый домик", или флигель, например. Тем более что первоначально предполагалось разместить модель именно там. Отвечают, что реконструкция существующих зданий обойдется дороже строительства нового павильона. Хорошо, но руину того же флигеля все равно придется реконструировать. Не оставлять же развалиной. Немаловажно и то, что реставраторам модели легче работать в родных стенах, а не в изоляции, за решеткой уже давно обезображенного всякими новоделами Александровского сада.

К идее изгнания модели неоднозначно относятся и сами сотрудники МУАР. Их можно понять. Представим себе, что в целях срочной реставрации "Последнего дня Помпеи" Карла Брюллова для картины строят отдельный домик в Летнем

саду Петербурга и навсегда туда ее ссылают. Не думаю, что у старожилов ГРМ идея найдет горячую поддержку. Возможно, Давид Ашотович прав, говоря, что "душа гуляющего по Александровскому саду просит прикоснуться к истории". Предположим, что "душе гуляющего" действительно интересно будет узнать работу реставраторов и оценить масштаб их труда. Но зачем же отчуждать экспонат от музея? Тем более что сам МУАР расположен не в Бибиреве, не в Химках, а через квартал от Александровского сада. На мой взгляд, целесообразнее создать полноценный имидж самого Музея архитектуры, чтобы гуляющим захотелось пройти сто метров от сада по Воздвиженке. И оценить не только модель Баженова, но и саму чудесную атмосферу единственного в мире Музея архитектуры.

Аргумент, что модель находилась изначально у стен Кремля в Модельном доме, не очень-то убедителен. Во-первых, Модельный дом задумывался как временное сооружение. Во-вторых, несмотря

на сохранившиеся планы, фасады и разрезы двух вариантов Модельного дома, подписанные самим Василием Баженовым, на баженовский прототип никто, похоже, ориентироваться не собирается. Объявленный Минкультом и Госстроем открытый конкурс предполагает абсолютную свободу конструктивных и эстетических решений. Впрочем, то, что конкурс открытый и в нем могут принять участие все желающие профессионалы, – скорее плюс, чем минус. То, что зам. председателя жюри – многоопытный Петер Нойвер (директор Венского музея МАС, входит в жюри Венецианской биеннале), а среди членов – немец Петер Швегер, англичанин Эндрю Сайнт и крупнейший специалист по русской архитектуре XVIII века профессор МАРХИ Дмитрий Швидковский, – плюс без сомнений (радует, что на этих условиях настоял сам директор МУАР). Однако мало разве у нас было конкурсов, которые хорошо начинались, а заканчивались "как всегда"?

Место павильона для баженов-

ской модели предполагается на выбор: между Манежной улицей и Кремлевской стеной (сейчас там стоят пивные палатки и сувенирные киоски), или на замыкании Большой Никитской (сейчас там большая клумба). Конечно, в теории музейная архитектура лучше, чем уродливые шапито "Хайнекен". Но если пивные ларьки можно разобрать за день, то музейный павильон, оснащенный последними техническими новинками, никто уже никогда не тронет. Каким бы чудовищным в эстетическом плане он ни был.

Полагаю, еще не поздно подумать о целесообразности вторжения в заповедную зону Александровского сада ради строительства там павильона для экспоната-изгнанника (даже двух: помимо модели Кремлевского дворца, в павильоне хотят выставить другой уникальный экспонат МУАР – восьмиметровый резной Крест мастера XVIII века Шумаева). Ведь даже в адрес прозрачной пирамиды Лувра до сих пор слышны проклятия ревнителей старины.